

Мужество спасло Россию.

Куликовская битва.

Иван, сын боярина Федора Белозерского шел с ратью отца навстречу татарскому войску. Ивана радовало, что русское ополчение было такое огромное, что воины смогли идти по трем дорогам в лесах. С отцом Иван пробирался Тульским путем, по дороге Болвановке, на Серпухов, на Каширку. До Коломны добрались сорок тысяч русских воинов. Иван смотрел на ратников, и все больше проникался мужеством. Ого-го-го! Сколько защитников собралось из малых ратей, сбежали с каждого города. С таким войском Ивану не страшно было пойти на Орду. Но он задумался: «А если Орда будет намного больше русского войска?» Но к нему пришла другая мысль: «Если бояться, можно потеряться. Нужно всегда чувствовать себя храбро».

Иван видел, что отец его не боялся врага. Сын понял: как храбрость появляется в душе, в ней становится светло. Но еще больше засияла храбрость в сердце у Ивана, когда он увидел князя Дмитрия на речке Северке, мелкой, но быстрой. Князь, словно орел, летел на белом коне в позолоченных доспехах. В его глазах сияло такое мужество, решимость, что оно передалось Ивану с большей силой, чем было дано от разговоров с отцом, который наставлял:

- Только наша храбрость сделает нас непобедимыми.

Князь Дмитрий, словно полыхал храбростью, и с огромной твердостью воскликнул:

- Мы отправляемся в поход!

В сердце Ивана радостно загудело: «Мы не боимся никого. Нам не страшна смерть, коль мы будем спасать свое Отечество, Родину». Но кто-то как бы шепнул Ивану на ухо «А ты знаешь, как силен враг?»

Это его дернуло, но не страхом, а недоумением, но в мысль прорвалось: «Не будете бояться врагов, всегда их победите. Сил у русских несметное число. Важно их соединить».

Когда русские войска собирались, Ивану хотелось кричать: «Мужайтесь, мужайтесь!»

Отец глядел на раскрасневшееся лицо сына и спрашивал:

- Ты что, испугался?

Иван засмеялся и радостно воскликнул:

- Наша сила победит врага.

Отец обрадованно заулыбался на крепость сына, но вдруг смутился, представив, что Иван может погибнуть. Но сын словно прочел мысли отца и произнес:

- Я смерти не боюсь. Нам надобно защитить Отечество.

Ивану подумалось, что если всех будет веселить храбрость, то во всякой битве они победят.

Иван с восторгом глядел, когда ратники отправлялись вперед. Над ними трепетали стяги на длинных древках, над шлемами полыхали алые перья. И так пронзительно и зазывно загудели трубы.

Иван затаился в радости: вот увидит Мамай такое огромное буйное войско, неужели он не испугается его? А у князя Дмитрия глаза то вспыхивали радостью, то темнели озабоченностью. Он чего-то опасался. Но главное, что виделось в нем: князь ничего не боялся.

К Коломне русские войска подходили из разных мест.

От Мамаю прибыли татарские послы и стали у русских требовать своему хану дани.

Иван глядел на татар и не видел в них мужества, как у своих бойцов. Они обещали князю Дмитрию за дань наградить шлемом с золотыми чеканами, конями тоурменских кровей, саблями. И еще обещали князю милость. Но Дмитрий ото всех даров отказался:

- Я не хочу пугать вас, не хочу вас страшиться! Пусть Орду уводят с Дона. Я не допущу разорять мою землю. Идите отсюда.

Послы схватили свои дары, от которых отказался князь, и помчались прочь. А Иван от радости готов был скакать. Да и все воины обрадовались тому, что отогнали послов.

21 августа утром русское войско пошло вверх по берегу реки Оки, чтобы встретиться с полком Владимира Серпуховского

Иван, скача на коне, как будто летел над рекою, стремясь к Дону.

У Лопасни войско Серпуховского уже ждало. Лица у многих ратников были печальными. И снова Иван задумался: а не попадет ли он в плен к татарам и не убьют ли его? Но эти мысли не испугали его. Что бы ни было, нужно спасать русскую землю. Вокруг кружились птицы, бегали лисы, скакали белки, свистели чибисы, курлыкали журавли. Яркое сияло солнце, а ночью так сильно горели звезды.

Иван, скача на коне, старался обогнать обозы. Его радовало, что звякало оружие. И все-таки в седле он устал сидеть. Отец сказал ему:

- Вот, сынок, куда мы пришли. Здесь князь Игорь бился с половцами. Будем и мы здесь бороться с татарами.

Седовласый отец говорил, как юный, бодрый молодец. Нависшие брови его даже поднялись кверху. Лицо его засияло улыбкой. И это тоже порадовало Ивана. Он понял, что нельзя выходить на бой испуганным, смущенным и печальным.

Бойцы привели с собой и громадного медведя Топтыгу.

- О, какой богатырь! – кричали воины и хохотали.

Ивану так хотелось подбежать к Топтыге и пожать ему лапу. Вид у медведя был в самом деле богатырский. Всем воинам нужно быть богатырями, тогда можно разбить врага. Какое великое зло нес на Русь безжалостный враг! Хищника можно обуздать или сделать содругом, а не губителем? Об этом Иван спрашивал Тимошку, который воспитывал Топтыгу. Тимошка покивал головой. По предложению князя Тимошка ходил с медведем возле воинов и играл на дудочке. И это очень забавляло воинов.

К ратникам подходили все новые воины. Уже собралось 20 князей со своими войсками. Такой большой армии русичи еще не собирали. Ратники смотрели выжидающе на Московского князя. А Иван очень удивился, увидев двух монахов в черных одеждах с вышитыми белыми крестами. Отец на вопросительный взгляд сына ответил:

- Монахи – это боярские дети Пересвет и Ослябь. Их прислал Сергей Радонежский.

Иван глядел внимательно на монахов. О, какой мужественный вид был у монахов! Такого не было даже у князей. Вид монахов был такой, словно они готовы были тотчас отдать жизнь свою в борьбе с врагом. Глаза их сияли любовью, решимостью. Так что, они сильнее воинов? Это озадачило Ивана. И он в себе ощутил жгучий порыв к защите своего Отечества.

Перед войском на коне остановился князь Дмитрий

Князь Дмитрий воскликнул:

- О, отец Сергей Радонежский благословляет нас идти на битву. Я всегда был вашим князем, во все походы с вами ходил. Всех вас люблю, старался помочь соратникам. Теперь нас ждут испытания тяжелейшие. Но не бойтесь смерти, а бойтесь бесславия и поражения.

Уже 200 тысяч воинов готовились к битве. Русские воины решили отдохнуть перед боем. Сколько костров разожгли воины, чтобы посидеть, отдохнуть, перекусить. С обозов за Доном тащили котлы, крупу, масло.

Гуси, лебеди, орлы парили над войском. Огромного медведя держали на привязи, А потом его отвязали, надели на него огромную кольчугу, большой шлем с красными перьями.

Отец и сын Белозерские тоже надели кольчугу. И Иван стал теперь не только высоким, а очень плотным.

Русские воины переехали реку Дон. Полки были поставлены между оврагами. 7 сентября при восходе солнца пехота пошла в Задонщину, а конница бродами, ниже Непрядвы переходила реку.

Битву воины ждали и готовились к ней, и все внимательно высматривали какие-нибудь знамения. 8 сентября только вспыхнул рассвет, как поплыл густой белый туман. Иван воспринял туман, как покров для русского войска. Загудели ратные трубы, и все громче, все громче, словно пели они. И как все воины быстро ополчились! Все бойцы вскочили, подняли копья, которые выросли, как крепчайшая загородка. Огромное войско предстало свод богатырей. Засияло необычно ярко солнце. И у всех засияли шлемы, над ними запылали разноцветные перья, ярче всего алые, как цветы в сияющих горшочках. А когда налетел и вдруг загудел ветер, перья запылали, как пламя. Затрепетали поднятые знамена.

Князь встал перед войском и таким мужественным голосом воскликнул:

- Братья! Будем биться за Родину! Жизнь за нее отдадим! Нам не смерти нужно бояться и гибели, а разрушения Руси. Вперед в бой с Золотой Ордой! Двинемся вперед. Вместе победим или вместе падем.

В голосе князя не было страха, а забурлило такое мужество. Оно тут же отозвалось и в сердце Ивана. Он ощутил, что готов даже погибнуть ради Отечества, чтобы спасти его. Куда пойдут русские войска? На смерть?

Князь был в великокняжеском наряде. Его кольчугу покрывала алая мантия и византийский нагрудник. Он не представлялся богатырем, а сказочным храбрым вождем.

Перед войском трепетало большое черное знамя. А с него каким любвообильным взглядом взирал вышитый золотой образ Спасителя. Глядя на знамя, Иван ощутил в себе подъем мужества. Ему так хотелось быстрее побежать спасти свое Отечество. Свое войско ему представилось мощнейшей стеной. И опять загудели трубы. Их зов был особый, твердый, напористый. Ивану даже показалось, что он сам, как птица сейчас может взлететь в поднебесье, чтобы и оттуда броситься на хищников. Перед его глазами они копошились, как змеи.

Войско прямо полетело вперед, словно зазываемое ревом труб. Ивану подумалось, что от рева труб враги отупеют.

Но когда Иван увидел на холме сборище татарской Золотой Орды, он даже взжрогнул.

На том холме была будто выстроена стена, черная, трясущаяся, которая может рухнуть и задавить. У татар были сдвинуты черные щиты, короткие мечи, но длинные копья. На головах татар были черные шапки. Эта чернота словно подплывала к русским защитникам, угрожая их затопить. Сердце

ивана затрепетало, но не от страха, а от растерянности. У него даже в глазах потемнело. Но Иван взглянул на свое войско, и снова ощутил огромный всплеск в сердце, всплеск решимости, храбрости, без чего нельзя вступить в бой. Иван взглянул на отца. И отец посмотрел на сына. Вид у Ивана был смелый, уверенный. Отец, заметив у сына в глазах проблески радости и смелости, весело улыбнулся и кивнул головой на вражью стену. Храбрость сильнее затрепетала в сердце у Ивана, когда поднялись русские красные щиты. В солнечном свете они запылали, как огонь. Но трубы затихли. Черная стена все быстрее приближалась к русскому войску. Но ордынское войско не летело с размаху на русское. Ивану представилось, что из этой вражеской кучи сейчас выползет жуткий змей, чтобы испугать всех русичей и броситься терзать их. Но Ивану представилось, что на змея нападает орел. И вдруг Иван увидел, как из татарских рядов выскочил вороной конь. А на нем будто не сидел, а скакал жуткий выродок огромнейшего роста. Ноги у него болтались аж до земли. Дивно было, что конь не выскакивал у него из-под ног. Губы у него были черные, а борода крашеная красная.

Иван настороженно глядел на змеиное отродье, вопрошая себя, способен ли он броситься на него, чтоб преградить ему путь. Этот выродок выскочил, чтоб запугать русичей? Кто видел такое чудовище? Такого выродка русичи не видели.

- Это печенег Челубей, - озадаченно воскликнул отец Ивана.

Печенег вдруг завопил:

- Кто смел?

Иван охнул: « Да такой змей придавит любого. Найдется ли орел защитник?» Себя Иван видел малышом рядом с этим Челубеем. Неужто все малыши?

Из русского войска на коне выскочил монах Пересвет. Его черная схима с расшитыми белыми крестами развивалась, как знамя. Ивана поразила смелость монаха. У него же под схимой не было ни панциря, ни кольчуги. Ох, у него грудь была открыта, ее прикрывал только белый железный крест. Нужно быть самым мужественным из всех русских воинов, чтобы не испугаться такого зверя - печенега. Пересвет гнал своего коня вдоль русских рядов. И Пересвет, и Челубей ринулись друг к другу. Копье Пересвета пробило живот Челубея. А копье Челубея пронзило грудь Пересвета. И когда конь с убитым монахом вбежал в русское войско, ратники которого узрели великую смелость дивного русича, боевые русские трубы загудели славу своему бойцу, и загредел зов к смелости. Этот вид храбреца монаха всколыхнул сердца всех русичей. Тысячи воинов завопили:

- Смело в бой!

После гибели Пересвета загудела труба под знаменем великого князя. Русичи завопили:

- Вперед в бой с врагом!

Русичи бросились в бой с татарами. Поднялся жуткий треск, лязг копий, щитов. Лошади ржали так неистово, разъяренно. Сабли били по доспехам.

Щиты воинов стали ударяться между собой, как бы соединяясь, и копыта громко стучались, как бы призывая к храбрости. Все бойцы в топоте и прыжках стремились ринуться в бой, оживая особым мужеством.

Душа Ивана тоже рвалась скорее начать битву. Какой взрыв храбрости он ощутил в себе, не боясь смерти!

Русичи двинулись вперед, а мамаевцы врезались в середину Сторожевого полка, где был и князь Дмитрий

Какая неистовая началась битва! Упорная схватка трепала ряды воинов. Копья и русичей, и татар врезались в тела. Каждое мгновение падал воин с коня. Уже была целая куча мертвых тел. От ударов уже столько расколосось щитов! Продолжалась битва и без щитов. Конница русичей вздыбывалась на конницу мамаевцев. Одна группа ордынцев падала, другая налетала. Но русичи сжимали их стеной.

Новые и новые орды втекали в битву, но русские стояли тесно, твердо. Татарам негде было развернуть ни охвата, ни натиска

Татары упорно бились с Московской ратью Большого полка. Они стесняли его со всех сторон. Иван удивлялся мужеству русичей. Они стояли твердо, как богатырские столбы. Татары, удивленные русским упорством, откатились и всей тяжестью навалились на полк Лево́й руки. Полк яростно отбивался, пятясь к реке Непрядве. Откинутые русские остановились, а потом с радостным воплем кинулись преследовать татар. Звенел лязг мячей и страшный клич русской погони, словно окровавленный мощный орел мчался над полями. У реки весь берег был завален побитыми татарами. Немало гибло и русичей. Запасной полк бросился на помощь своим русским воинам, но татары перегородили ему путь. Враги так яростно орали! Но вдруг русские воины завопили радостно. Сердце Ивана, отягощенное жуткой болью, всплеснулось радостью, что победа недалеко.

- Иван, побежали, поможем соединить разорванные рати, закрыть проем у Большого полка и полка Лево́й руки, - крикнул отец, - это спасет русичей, а то уже лезут и хазарские турки.

«Спасать, спасать!» - загудело в голове Ивана. Его отец вместе с Андреем Серпуховским, с Федором и Мстиславом Тарусским, воеводой Микулой подхватили знамя князя Дмитрия и помчались вперед. Это знамя представилось Ивану крыльями. Но лететь удалось немного. Навстречу

вырвались конные хазарские турки. К знаменосцам кинулись и другие русичи. Но турки окружили русских воинов. Иван сбил несколько врагов. А на него накинута целая их стая. Ивану ткнули копьем в шею. Он не устоял и упал, увидев, как вокруг падает множество русичей.

Иван закрывал своим телом отца, но татарин прыгнул к Федору и ткнул в него копьем. Иван вонзил свое копье в татарина. Тот грохнулся перед Иваном. Но другой татарин подскочил и вонзил меч в грудь Ивана. Иван тоже ткнул в него копье. Татарин упал. С ним рядом упал и Иван. Жуткая боль объяла все его тело. Но ему не захотелось лежать рядом с татаринком. Иван пополз к отцу, лег рядом с ним. Ему становилось все тяжелее.

« Я что умираю вместе с отцом?» Ивану стало так тяжело от жалости за отца. Но ведь они погибали за свое Отечество. Яркий свет вспыхнул у Ивана в глазах радостью за то, что враги не захватят Отечество.

Мысли Ивана устремились вверх, как орел взлетает в небеса. И он теперь как бы сверху глядел на землю. Сколько много лежало убитых бойцов! Иван никогда не видел столько храбрецов, раненых, убитых. А их души парили, взлетая на небеса. А те, кто остался жив, они предвиделись еще более мужественными, радостными, будто мужество убитых стало даром для них. Они были благодарны раненым и убитым за победу над Ордой. Сердце Ивана засияло радостью, которая перекрыла его боль. Загудел трубный зов. И этот зов загудел в сердце Ивана. Он увидел, что со всех сторон идут русичи-победители. И мысли Ивана вновь устремились в голубое поднебесье, откуда он как бы слышал благодарность за свое мужество: « Иван, ваше мужество победило! Оно будет сиять в России из века в век».

Иван услышал голос Владимира Серпуховского, подошедшего к нему:

- Упокой, Господи, душу твою, княже Иване!

И опять к Ивану, словно голос упал с небес:

- Мужество никогда не умрет!

Эти слова глубоко запали в сердце Ивана. Он закрыл глаза и, будто уснул, окунувшись в радость победы, которая все сильнее заглушала жуткую телесную боль. И вдруг эта боль загудела с особой силой. Иван, теряя сознание, снова ощутил успокаивающее вознесение на небеса, где звучал радостный голос; «Мужество русских спасло Русь».

Смутное время.

Уже 17 лет Глеб Сидоров проживал в Московском уезде. Ох, как нравилось ему здесь жить, не тужить! С весны он с отцом и братьями работал

с сохой на уже цветущем поле. Не отдыхал и летом. Пас свою корову, любил ходить на охоту. Как Глеб любил свою родную землю! По ночам любовался звездами, которые освещали высь и посылали дивные искорки на землю. Утром, проснувшись на рассвете, Глеб словно озарялся солнечным сиянием. Оно вроде попадало в его мозг и сердце, которое начинало радостно петь. И вдруг это сияние как будто потухло, когда Глебу стало известно, что на Россию наступают иноземцы.

Глеб стал опасаться за развал всех городов и деревень. О, сколько убежало из уезда крестьян, побросав свои пашни. Они испугались грабежей, плена. Сколько было разрушено деревень в Клинском, Дмитровском, Углицком, Белевском уездах! Много жителей уничтожалось, сжигались их дома, отбирались единственные лошадки. Многие россияне с таким нетерпением ждали избавителя. И был понятен их страх. Что может оказаться на родной земле? Пустыня? При размышлении об этом Глеб вздыхал и закрывал глаза с печалью, будто он в самом деле оказался в пустыне. Земля представлялась ему выжженной, затянутой темным туманом. А он сам вроде лежал на ней, как бы в могиле. Земля родная все же согревала его тело, не давала ему замерзнуть. Но сама она была, как бы разбита, завалена. Что, родное место может стать и кладбищем для соотечей? Опустошение захватывало Россию, мятежи ее трепали. Было в ней богатство, многолюдство, цветущие города, селения. А теперь везде нарастало пепелище. Иноземцы пили кровь русских. И земля посыпалась пеплом и поливалась кровью жителей. Россия на глазах гибла. Даже если иноземцы полностью захватят Россию, ничего доброго русские от них не увидят.

Тревога о захвате Отечества продолжала терзать сердце Глеба. Ему даже приснился сон, как он гулял по родному полю, где так буйно цвели красивые колокольчики, ромашки. Глеб с радостью гулял, направляясь к лесу. И вдруг его окружила стая волков. Глеб побежал в сторону леса. Звери бросились за ним. Парень добежал до леса, кинулся к березе, забрался на нее. Волки бегали вокруг дерева, ожидая, когда Глеб свалится, чтобы разорвать его. Он вытащил из сумки свой лук и начал бросать стрелы в хищников. Они быстро помчались прочь. Когда Глеб проснулся, он задумался о своем сне. Сколько бед он уже испытал! Поляки сожгли дом его родных, многих поубивали. Вот это волки! Как справиться с ними? Эти хищники, которые напали на Русь, чтобы завладеть ею, убивают защитников ее. Но как же спастись от хищников, которые принесли столько напастей?

Очнувшись от сна, Глеб пошел в лес, нашел огромную раскидистую березу, сел около нее на пенек, задумался, озираясь вокруг. И вдруг увидел лису, которая бежала за зайцев. Заяц, увидев опасность, стал делать

хитроумные скачки в разные стороны, запутывая следы. Но лиса бежала за ним, но вскоре затерялась, и заяц убежал. Глеб засмеялся и воскликнул: « Вот как можно спастись от врага!» Он тут же решил сходить с Троицкий монастырь, который так рьяно защищался от врага. Когда Глеб прибыл в монастырь, то спросил у первого встретившего его инок:

- Что происходит в России? Говорят, что царевич Димитрий не был убит и он теперь хочет стать царем.

Инок твердо ответил:

- Это Лжедмитрий, самозванец. Он хочет захватить Русь и прихватить ее. Мы молимся, чтобы этого не произошло. Инок стал рассказывать о пребывании самозванца в России. Глеба этот рассказ испугал, его даже затрясло, когда он узнал, что некоторые россияне принимают Лжедмитрия за истинного царевича, встречают самозванца хлебом и солью. Но Глеб успокоился, когда, задумавшись, понял, что Россия не сможет впасть в полный самообман. Самозванец подтверждает свою неистинность, сжигая города и разрушая их. Как россияне будут жить в захваченной России? Глебу представилось, что тогда на Родине и солнце не станет ярко светить. Ему даже представилось затемнение Руси. Для успокоения он долго гулял по окрестным лугам и лесам, которые еще не были захвачены. В лесу Глеб опять подолгу сидел под березами в задумчивости и ощущал себя будто под охраной. Вот что значит своя родная земля. Она утешает и защищает всех любящих ее. И как он обрадовался, когда узнал, что русский князь Дмитрий Пожарский создает на Руси ополчение для борьбы против иноземцев.

Глеб опять пошел в Троицкую Лавру. На службе молился вместе с монахами о спасении России. И на исповеди заявил, что готов жизнь свою отдать за спасение Родины. И тут в храме сообщили, что к Лавре прибыло русское ополчение во главе с Дмитрием Пожарским. Монах, который исповедывал Глеба, сказал ему:

- Ну, вот, Господь услышал твой вопль и увидел твое желание спасти Россию. Пойдем к ратным войскам.

Монах подвел Глеба к князю Дмитрию Пожарскому и сказал:

- Этот воин будет смелым. Он готов жизнь свою положить за други своя. Сделайте его ратником. Будьте мужественными. Это спасет Русь.

Князь дал распоряжение обрядить и снарядить нового воина. Глеб так обрадовался своей новой миссии. И в душе его утихла тревога за бедствия Руси. Да, он в самом деле готов был жизнь свою отдать за спасение ее.

Четыре дня Глеб мысленно готовился к походу с ополчением к Москве. Он с нетерпением ожидал начала похода и видел, что все ратники ожидают этого.

А когда все ополчение село на коней, то все воины стали оглядывать друг друга с испугом. Глеб, сидящий на вороном коне, тоже ощутил непонятный страх. Неужто все ожидали сразу же гибели? Но вдруг все воины, обращаясь в строю друг к другу, стали восклицать:

- Я обещаю для спасения Отчизны умереть, если надо.

И Глеб воскликнул, трясаясь всем телом:

- Я тоже обещаю всеми силами спасти Россию!

И удивился Глеб, как охрабрились от этих обещаний все воины. Глаза у всех засияли смелостью. Искорки общей храбрости как бы передавались от одного к другому. И засияли они над ратниками, как звезды. Глеба обожгло огромной радостью их сияние, словно перед ним загорелся неожиданный свет. От этого и Глеб ощутил в своей душе необычное состояние. У него будто выросли крылья. И когда воины отправились в путь, Глеб почувствовал себя летящим вперед, а не скачущим на коне, хотя он был в последних рядах ополчения. И его полет как будто все больше и больше возвышался. Он уже чувствовал себя на высоте. Никогда он такого не ощущал. Кто поймет это состояние? Только тот, кто сам окажется в гуще именно этого мужественного ополчения. Общие силы вроде передаются каждому бойцу. И Глеб ощущал, что его охватывает общая сила. Благодаря ей ополчение несло, словно стая птиц. Небесная синь окружала его и обеспечивала незримый полет. Оттого Глеба совсем не пугало, что он несется туда, где жизнь будет бороться со смертью. Достойная жизнь всегда побеждает

19 августа, когда стемнело вокруг, и уже сияли звезды на небе, ополчение остановилось за пять верст от Москвы. На берегу реки Яузы в направлении к Арбатским воротам. Ополченцы начали устраивать себе гнездо-острог. Возводили деревянные стены, высокий вал. Да, это был только подход к Москве. Хищники будут подбираться и подбираться к этому гнезду. Но ополченцы должны стать здесь не только щитом, но и спасающей силой. И уже за ночь был укреплен лагерь. Укладываясь здесь спать, Глеб почувствовал успокоение. Свое войско ему представлялось настоящей стеной. Глеб вытянулся на подстилке. И как только закрыл глаза, сразу окунулся в сон. И опять увидел во сне волков, которые убегали от него, падая в реку и утопая в ней.

Когда Глеб утром проснулся, все войско уже сидело на траве с выжидательным видом. Князь Пожарский, дав команду всем вкушать, радостно сообщил:

- К Москве прибыли и другие отряды. От Петровских ворот, от речки Неглинной до Алексеевской башни у реки Москвы на Остоженке. Нам нужно укрепиться в своем стане. А самое главное укрепление – в смелости.

Глеб подумал в недоумении: «Здесь столько смельчаков, опытных воинов! Разве могут они быть трусами? И они все обещали жизнь свою не беречь за Родину».

Глеб подошел к князю, внимательно посмотрел ему в глаза, сердце его радостно встрепенулось. Взгляд у князя был твердый, уверенный и такой смелый, какого Глеб ни у кого не видел и, ощутив в себе огромный прилив сил.

Ополчение подошло к Москве.

К Москве прибыл гетман Ходкевич со своим войском. Он искал способа прорваться в саму Москву, где в Кремле были литовцы и поляки. Отряд гетмана рванулся и перебрался через реку к Новодевичьему монастырю. Князь Дмитрий отправил туда своих ратников. Он послал туда не все ополчение, а по просьбе князя Третьяковского отправил пять отрядов, которые помогли бы казакам отогнать войско гетмана. В этот отряд Пожарский собрал самых опытных ополченцев. Они все активно бросились в первый бой.

Литовский гетман с 15 тысячами воинов пробрался к Поклонной горе Москвы.

Дмитрий Пожарский сказал своим воинам:

- Как хорошо, что мы вовремя пришли. Гетман прибежал к Москве, а мы ему перекрыли путь. Вот он и забрался на Поклонную гору. Он получил подкрепление от польского короля. Несколько панов привели свои отряды. Их уже набралось пятнадцать тысяч. Они радуются, что нам негде дожидаться помощи, что мы плохо вооружены, не обучены военному делу. Но пусть они увидят, как помогает смелость защитникам.

Услышав эти слова, Глебу даже захотел закричать, но произнес он спокойно:

- Мы покажем, что значит наша смелость.

Князь Дмитрий кивнул головой и добавил:

- Да, нами смелость движет, а ими – жадность. Они хотят всю Россию ободрать

Глеб увидел, что русские ратники не вздрогнули, не затрепетали. И у них вновь в глазах загорелась смелость. Не испугался и сам Глеб, который готовился к сражению. И ему ясно представлялось, как русские храбро будут отгонять врагов. И он сам уже был готов к этому.

Князь Дмитрий задумчиво снова заговорил:

- Нам просто необходимо очистить Родину от беспощадных и ненавистных врагов. Нам не от кого ждать помощи. Надо надеяться на помощь Божию и на свою смелость. Если мы испугаемся врага, то погибнем.

Глеб спросил у князя:

- А Трубецкой наш соратник?

- Теперь увидим, - опять задумчиво произнес Пожарский и пожал плечами. Видимо, это его очень смущало. Без помощи Трубецкого ополчение не будет таким многочисленным, чтобы сразу придавить врага. Но все же полного доверия у князя не было. Он даже не решился отправить людей в его острог.

И тут прибежали ратники Трубецкого и завопили:

- Войско гетмана не может прорваться через ворота и переправляются через Москву-реку. Наш князь просит прислать конных, чтобы отбить гетмана

Князь Дмитрий задумчиво произнес:

- Раз ваше войско соединится с нашими отрядами, мы закроем гетману проход.

Ратники Трубецкого крикнули:

- Ждем вас у Крымского двора.

Когда князь приказал воинам мчаться туда, Глеб схватил саблю, прыгнул на своего коня. И хотя в последних рядах, но стремительно помчался с сотнями к Крымскому двору. В его голове гудело: «Сделаем преграду врагу».

Глеб готов был и тело свое выложить в качестве преграды. Он видел такое желание у всех ополченцев. Теперь, соединившись с войском Трубецкого, они смогут отрубить врага. Да, конечно, это и могло бы случиться, но Трубецкой со своими воинами остался в стороне. И огромное вражеское войско накрыло часть русского ополчения. Но оно продолжало биться и на конях, и пехотою. Глеб воткнул свой меч в трех захватчиков. Другие его рубили, долбили. Глебу, закованному в доспехи, удалось отскакивать, отбегать. Но коня его прибили. Вокруг падали и ополченцы, и враги. Глеб перепрыгивал через трупы, но не стремился убежать с поля сражения.

В битве приняло участие часть ополчения. Многие погибли, других оттеснили.

Все ополченцы понимали: если бы казаки проявили такую же храбрость, как и ратники Пожарского, тогда бы удалось смять врагов.

Князь Дмитрий позвал монахов к себе в лагерь. Пожарский, вместе с Мининым, вдруг начал плакать перед иноками. Глеб смотрел на это с удивлением. Он видел, что у вождей нет страха. Но почему они так плакали.

Они боялись гибели ополчения. И у Глеба потекли слезы. Ему не только жалко было свое войско, но уже усиленно начала терзать боль за возможную гибель Отечества, Ведь поляки, прогнав казаков из острожка у церкви Климента римского, распустили уже свои знамена.

Князь Дмитрий стал просить старца Авраамия:

- Научите казаков возвысить мужество. Без них нам не удастся одолеть врагов.

Глеб пошел вслед за старцем, задумавшись: « Неужели можно в сердца казаков сразу же вложить семя храбрости и любви? Им, наверное, нужно много пострадать, чтобы понять важное ».

Глеба удивило, с какой любовью, без обличения обратился старец к казакам у Климентова острожка. Авраамий с таким сочувствием воскликнул:

- О, дорогие наши братья! Какую великую силу вы показали, терпеливо перенося голод, побои. Сколько среди вас раненых. Побитых, но вы держитесь. Над вашими головами не только солнышко сияет, но и блистает ваша слава, о ней вещают многие и в нашей стране, и в других.

Старец столько хвалил и благодарил казаков, а затем умолял их с мужеством идти на неприятеля, обещая, что это принесет их жизни великое благо.

Глеб опасался, чтобы казаки не прогнали Авраамия, но услышав слова старца, он сам проникся почитанием казаков. Они сами приблизились к Авраамию, окружили его и хором стали обещать:

- Мы все скорее умрем, чем вернемся без победы. Идите, старче, и возвратите уже убегающих казаков.

Старец пошел к казакам к церкви Никиты Мученика. Там толпа казаков уже собиралась уходить, переправившись через реку. Но горячие слова старца, великая его любовь одушевила в них мужество.

И как обрадовался князь Дмитрий, когда узнал, что казаки, ободренные, босые, но с загоревшим в их сердцах мужеством отогнали неприятели от Климентова острога. Пожарский подбегал к своим бойцам и радостно восклицал:

- Мы победим, теперь мы победим!

Такая крепчайшая уверенность звучала в его словах.. И Глеб видел, что она передавалась многим и ему. Все жаждали сразу же ринуться на врага. Но Дмитрий остановил многих и приказал:

- Садитесь в ямы, в крапиву, не пропустите гетмана в город.

Многие ополченцы сели в засаду. А Козьма Минин стал просить князя Дмитрия:

- Пусть здесь будет засада, а мне дай воинов. Я пойду в бой.

Князь отдал ему три дворянских сотни и сотню служилого ополчения ротмистра Хмелевского

Русская пехота по приказу Дмитрия Пожарского засела в ямах. Глеб сел рядом с пехотинцами. Крапива в яме обожгла его руки так сильно, что он засмеялся:

- Крапива сильнее кусается, чем враги.

Князь Дмитрий воскликнул:

- Сидите здесь, караульте, чтоб гетман не пробрался в город.

Князь объявил ополченцам:

- Наш Козьма Минин, которому мы дали три дворянские сотни, уже переправился через Москву-реку и разбил две литовские роты – пешую и конную у Крымского двора. Остатки этих двух рот убежали.

Глеб закрыл глаза, радуясь, что он еще жив и даже не ранен и сможет дальше продолжать битву. А как много воинов уже погибло! Да. Первая битва убрала уже из сердца Глеба бьющую его тревогу. Да еще до битвы он приготовился к любой жертве, даже к собственной гибели. Но теперь тревога полностью отступила. Глеба продолжала поражать удивительная смелость своего войска. Его так радовало и утешало, что он был в сообществе с храбрецами. Конечно, он устал, ему даже захотелось задремать, но князь Дмитрий скомандовал:

- Снова в бой!

Глеб вместе с бойцами быстро стал вылезать из крапивных ям. Крапива обожгла не только руки, но и лицо.

Глеб бросился в строй за бойцами. Пехота бежала за русской конницей. Враги побежали от русского войска. Они помчались к Донскому монастырю. Глеб вместе с бойцами добежал до рва Деревянного города. Глеб хотел как можно быстрее перелететь ров, но князь Дмитрий остановил ратников и произнес:

- В один день не бывает двух побед. Остановитесь, но не останавливайте пальбу. Пусть она будет непрерывной. Устрашите врагов

Стрельцы и казаки открыли непрерывную пальбу.

Глеб, как и другие воины, стрелял непрерывно. Глеб получил ранение в руку, и в других битвах он уже не мог принимать участие. С перевязанной рукой он забрался в яму и крепко уснул. Когда проснулся, ему полегчало. Он вылез из ямы и стал расспрашивать бойцов о ходе битв. Глеб снова захотел ринуться в бой.

Русское войско окружило неприятельские отряды. Князь заявил:

- Будем врагов сторожить взаперти. Станем вокруг копать рвы, чтобы оплетать и насыпать валуны. Это будет наша осада. И к неприятелям никто не сможет добраться.

Глеб задавал себе вопрос: «Сколько же времени будет осада?» Этот вопрос он задал стоящему рядом с ним пожилому чернобородому бойцу. Тот, улыбаясь, ответил:

- Скоро все кончится. Осажденные будут голодать и умирать от голода. Они уже едят собак, кошек, мышей, всякую падаль, мертвечину, людей едят. Если бы мы их не закрыли, они съели бы всех русских. Они думали, что в стенах Кремля смогут затаиться. В нашем Кремле собрались нас доконать. Устроили осажденный город. А сколько городов они осаждали и сжигали.

Но Глеб продолжал уже себе задавать вопрос: «Ну, сколько же времени придется держать осаду?» Нет, у него не было желания убежать отсюда. Он чувствовал себя щитом, оберегающим Отечество. А какой это щит? Надежный? Непробиваемый?

Князь Дмитрий предупреждал:

- Будьте осторожны, чтобы вас не разбивали вражеские шайки. Они могут привести войска польского короля и гетмана.

Радость в сердце Глеба разрасталась: «Отечество будет спасено. И солнца радости узрит каждый россиянин».

Теперь нужно было убрать неприятеля из Кремля и Китай-города, чтобы к врагам не было подхода другим иноземцам.

24 октября князь Дмитрий Пожарский дал приказ:

- Всем выстроиться в боевой порядок.

На другой день распахнулись ворота Кремля. Русские ополченцы помчались вперед. Глеб бежал, но снова чувствовал, что он как бы летел за своими ратниками, хотя в руку отдавала сильная боль. Он остановился вместе со своими ополченцами на Лобном месте, где священник совершил молебен. После него ополчение ринулось в Кремль. Там везде стояли чаны. Глеб подбежал к одному из них, взглянул в чан и ужаснулся. Он был наполнен порезанными человеческими телами, которые ели иноземцы.

Русские воины стали пленять поляков. Князь Дмитрий дал указание:

- Москву нужно очищать и защищать. Остановимся на Арбате в Воздвиженском монастыре.

Много было в это время ужасного, но и немало радостного. Так обрадовало Глеба известие, что польский король кинулся к Москве, но, узнав о гибели польского гарнизона, вернулся в Польшу. Москва и Русь спасены?

Глеб собрался домой с такой радостью, которую никогда не испытывал. Он как бы заново родился на этом свете. Те крылья, которые он ощущал в себе,

поднимающие его на высоту, когда в сердце пробуждалась смелость, твердость, и теперь несли его в радостном состоянии. Его не столько радовало, что он все же остался жив, сколько то. Что иноземцев выбросили из Москвы. Какое счастье не терять мужество ни в одном бою.

Бородинское сражение.

Ивашка Орлов очень верил в силу и мощь своей русской армии, беспредельно ценил мужество главнокомандующего Кутузова, храбрость и упорство командующего 2 русской армии Багратиона. Эти вожди армии Ивашке представлялись парящими над усердным русским воинством орлами. Ивашка верил им всей душой, и сам готов был ради своего войска и Отечества к любой жертве. Он даже дал себе несомненное задание: обязательно уничтожить в сражении не менее полусотни врагов. Когда он заявил это своим соратникам, они хмыкали и хыкали, насмешливо вопрошали;

- Ты себя считаешь богатырем?

Ивашка воскликнул:

- Мы все богатыри!

- А что ж ты такой маленький? Да удаленький?

Но нашелся воин по имени Олег, который заступился за Ивашку:

- Богатыри сильны не одной силой, а мужеством. Нам всем нужно быть мужественными, чтобы сломать врага.

Ивашка не стал больше ничего доказывать. Важно все проявить делом, показать свое усердие, упорство, храбрость. Бородинская битва должна быть великим сражением. И все русские должны показать мужество, отбить врага от Отечества.

Кутузовское ополчение подошло к селу Бородино и стало готовиться неподалеку к сражению с французами. Кутузов дал задание к установке защитных укреплений.

Ивашка вместе со многими воинами своей армии с вечера 23 августа стал устраивать редут у Шевардина. Он с такой силой долбил грунт кургана, который был таким твердым, щебенистым, словно камень. Ивашка разрывал грунт много часов и так утомился, что ему хотелось лечь в ров и заснуть. Ему даже представился этот ров могилкой, хотя глубина его была всего полфунта.

Главнокомандующий говорил воинам:

- Не сорвите свои силы.

А Ивашка понял: общая устремленность всегда увеличивает силы у всех.

Воины стали отдыхать, когда сделали надо рвом бруствер до десяти сажен.

К полудню к редуту уже подошел оборонный отряд. Усталость у Ивашка, как рукой сняло. Ему даже захотелось потанцевать на редуте. Его как бы подняло вверх. Но вдруг он словно задохнулся, увидев огромный французский отряд. Нет, Ивашка не испугался за свою жизнь. Его озадачило: не захватят ли сразу французы редут? Нужен был спасающий щит. И главнокомандующий его придумал. В полукилометре от Шевардина выступили русские гренадеры. Своими орудиями они так метко громили французов, что полностью уничтожили отряд неприятеля, захватили его семь орудий.

А на редуте французов долбили всего лишь 12 орудий. Но ряды неприятеля уменьшались. Ивашка все подтаскивал и подтаскивал снаряды, ящики с порохом к своим орудиям. Он увидел, что с его помощью удалось уничтожить не одну сотню противника. Но и своих бойцов погибло немало. Маленький рост Ивашки спасал его от выстрелов. Его раловало, как метко стреляли русичи. Ряды французов уменьшались. Трупы врагов валялись вдоль редута. Ах, если б у русских было больше орудий, французы тут же были придавлены.

Когда сумерки накрыли землю, а потом нависла ночь без луны и звезд, русское ополчение отошло от редута. Навстречу выскочил Кутузов и с радостной улыбкой воскликнул:

- Какие вы герои! Ваше мужество велико. Оно спасло вас от плена. Враги не добились победы, а сколько их погибло! В полкилометре от Шевардина наши гренадеры полностью истребили французский полк. Иначе он бы напал на ва, и вы могли погибнуть. А теперь ваше генеральное сражение будет восточнее. Там укреплен Левый флеш.

Ивашка, который только что от усталости готов был упасть для отдыха на землю, после слов Кутузова захотел опять и попрыгать, и потанцевать.

Главнокомандующий опять бодро воскликнул:

- Отдыхайте, снова набирайтесь сил. Обновляйте мужество! Потом будет великий Бородинский бой. На флешу будет лютое нападение.

Ивашку совсем не испугали эти слова. Под командованием Багратиона бои заранее представлялись героическими.

- И вы готовьте полевые укрепления! – приказал Кутузов.

Эти укрепления Багратионское ополчение готовило два дня. Ивашка работал, не покладая рук. Ему явственно представлялся здесь новый бой. А, может, для него тут будет место гибели? Ни одно, ни другое его не пугало. Свои погибшие воины ему представлялись как бы живыми. У них были

открытые глаза, спокойные лица. А у погибших врагов ярость как бы не умирала. Лица их были вроде скукоженные ею.

Кутузов сообщил Багратиону:

- Нам нужно понять противника. Где бы он ни начал атаку, хотя бы в центре, но главный удар нанесет на наш левый фланг, чтобы потом зажать нас в тиски.

Князю Багратиону Кутузов выделил четыре корпуса пехоты и 27 пехотную дивизию, четыре кавалерийских корпуса. И левый, и правый фланг были снабжены крупными резервами.

Французы уже напали на деревню Бородино. Но главный удар они направили на левый фланг русских сил, на армию Багратиона.

С 25 по 26 августа с французской стороны неслись какие-то песни. Потом забили барабаны, заиграла музыка.

Ивашка, который отдыхал после тяжелой работы, лежа на земле, тут же вскочил, с недоумением глядя в сторону леса. Он с удивлением вопрошал себя: чему радуются французы? Почему они торжествуют? Готовят себя к победе? Ого-го! Даже если перебьют множество русских, утонут в их крови. А, может, они желали не дать русским отдохнуть? Или Наполеон усиливал их ярость? Может ли это принести мужество захватчикам?

Ивашка снова лег на землю, внимательно смотрел на звездное небо. Звезды ему подмигивали, словно соглашались с его мыслями. Не будет настоящего мужества у захватчиков, а только у защитников.

Когда возшло солнце, Ивашка снова вскочил, глянул в сторону неприятеля. Там был вырублен лес. Может, потому там так гудели, чтоб заглушить стук топоров? Теперь перед глазами русских выросла огромная вражеская батарея. И оттуда сразу же загудел шум орудий, и на русский редут полетел сплошной огонь пушек. Небо вначале полыхало, затем загорелось. Но ни один русский ратник не проявил никакого испуга. Вражеская ярость подстегнула храбрость русских.

На рассвете огромная французская армия налетела на новые полевые укрепления. Французы ринулись и к селу Бородино. Напали на флеши.

Французы приблизились к трем флешам, которые с рассвета начала трепать артиллерия. Ивашку вначале это испугало: как бы быстро французы ни придавили флеши. Дым огромными светлыми клубами от артиллерейских снарядов летел к небу. Земля дрожала все сильнее и сильнее. Тысячи орудий с двух сторон гремели неумолкаемо. И хотя вражеских орудий было больше, ярость неприятеля гудела и выла, а героизм русских не давал ярости разжечься.

К русскому ополчению прибежали гвардейские егеря, вытесненные французами из села Бородино. Егерям удалось пробраться через речку Колочу. Флеш крепко усилилась несколькими егерскими полками. Начался усиленный огонь, который оттолкнул французов к лесу. Ивашка, выглядывая из флеша, увидел, что французы потащили тяжело раненого своего генерала. И русская артиллерия стала таким неистовым ударом громить французов, что их атака оборвалась. Ивашка так радовался, что удалось отбить атаку врагов. Но они, подобрав подкрепления, снова налетели на флеш. Осваиваясь новыми подкреплениями, французы трижды налетали с новыми атаками, с большей яростью, неистовством, неудержимой злобой, которая обрывалась ответным огнем. Он отдавался в ушах Ивашки, как великий гимн. И французская артиллерия стала бить неудержимо оглушительно. Ивашке даже казалось, что начала трястись земля. По просьбе Багратиона стягивались новые силы к флешам – 27 дивизия Неверовского и гренадерская дивизия Воронцова.. Кутузов прислал на подмогу и три гвардейских и три кирасирских полка и гвардейскую артиллерию. Подкрепления подтягивали и французы. Они все же приблизились к флешам. И начался сильнейший рукопашный бой. Ивашка кинулся сражаться. Штыковой бой шел под гром артиллерии. Французы прорывались вперед. Но Ивашку это не пугало, а усиливало его внутренний напор на битву. Да, он был готов и жизнь свою положить здесь, только не дать врагу прорваться дальше.

В рукопашной схватке бился и командный состав. Был ранен Неверовский. Вместе с другими русскими ополченцами Ивашка помогал выносить раненого Неверовского из боя, отбивая окружавших французов. В глазах Ивашки темнело. Нет, у него не было страха за свою жизнь, но он так опасался поражения своего войска, что может привести к гибели России. Ох-ох-ох! То он чувствовал себя орлом, а то ощутил себя земным червяком. Правда, у него не было желание укрыться в какой-либо расщелине, даже тогда. Когда он в штыковой борьбе несколько раз упал, когда ему пришлось получить сильнейший удар по голове, все же удалось подняться и продолжать бой.

Ох, как жалко Ивашке было расставаться с князем Багратионом. С ним было легче и жить и легче умереть. Когда князя ранило картечью в ногу, он не ахал и не охал, хотя ясно, что боль у него была нестерпимой. Но вид у него был такой терпеливый, хладнокровный, какого Ивашка не видел ни у одного раненого. Он даже как бы скрывал свое ранение, видно, чтобы не вызвать страха, тревоги и смущения у бойцов. Кровь лилась из ноги Багратиона мелким ручейком. Он уже стал падать с коня. Бойцы бросились к князю, стали снимать его с коня. Ивашка тоже подбежал к Багратиону. Князь

ласково посмотрел на своих ратников, с благодарностью и доверием и попросил:

- Отомстите за меня.

- Отомстим! – воскликнули бойцы.

Князя понесли на носилках. К раненому Багратиону подбежал прислужник князя кирасир Адрианов и воскликнул:

- Ваше сиятельство! Вас везут лечить, во мне вам уже нет надобности.

Ивашка удивился: зачем прислужник это говорит? Потом он понял, зачем, когда увидел, с какой храбростью Адрианов бросился в неприятельские ряды, и с силой начал штыком шпынять врагов. Они окружили его и нанесли смертельный удар

Ивашку удивило, как еще больше усилилось мужество русских бойцов, узревших гибель командующего Багратиона. Все как бы приготовились к самым тяжелым жертвам. И сам Ивашка ощутил в себе такое сильное стремление жизнь отдать за спасение Родины.

Сильно пострадал и гренадерский полк Воронцова. Бойцы, погибая на месте, не уступали ни шагу врагу. Воронцова смертельно ранили штыком.

После истребления гренадер кирасиры стали так напористо штурмовым ударом отбивать занятые французами флеш. Какая храбрость была у кирасир! Она поразила Ивашку. Они шли в бой смело и напористо, хотя орудийный огонь обливал их. Многие кирасиры, обстреленные картечью, обливали землю своей кровью, теряли силы и жизнь. Но не получившие ранения, упорно пробирались к батарее. Им удалось отогнать от флеш французов. Но Наполеон прислал новую дивизию. И атака была жутко кровопролитной.

Кутузов прислал к Багратиону дивизию Коновницына. Ратникам удалось устроить французам кровопролитный бой. Русские стреляли очень метко.

Ивашка все время бился в штыковом бою. Меч в его руке будто сам дергался и, шпынял неприятелей с неудержимой силой. Враги с яростью отпрыгивали от Ивашки, но потом так злобно накидывались на него. Ему удавалось, пригибаясь, отскочить, в чем ему помогал маленький рост. А вокруг столько падало французов и русских бойцов! В один момент француз выбил меч из рук Ивашки. Он прыжком отскочил, словно в воду нырнул, а на дне схватил свое оружие. И снова удалось шпыкнуть несколько врагов. Сколько? Ивашка не считал. А после каждого удара врага Ивашка нырял в ряды своих ратников.

Солнце сияло над побоищем, но вокруг как бы стояла тень. И моментами Ивашке казалось, что он падал в пропасть. Но оттого, что он не чувствовал страха, тут же словно выскакивал из бездны. И с большей храбростью

кидался на вражеские ряды. Но вдруг получил таких несколько сильнейших ударов по голове, что. Упав, не мог уже подняться. Ивашке казалось, что он умирает. Ну, что ж, сколько уже ратников погибло! Ивашка подумал, что ему удалось уничтожить больше полусотни захватчиков. Если б не умирал, то больше бы уничтожил хищников. И не жалел он свою жизнь, раз она была отдана за спасение Отечества. А боль в голове полыхала с еще большей силой. Ивашка потерял сознание. Русские бойцы отнесли его в лес и положили под деревом. Ивашка долго лежал без сознания. А когда очнулся, увидел стоящего рядом с собой Олега. И хриплым надрывным голосом Ивашка спросил его:

- Как идет Бородинское сражение?

- После твоего ранения битвы были геройские и большие. Тебе удалось выдержать борьбу на Шевардинском редуте, восемь атак на Багратионовы флеши. А потом была битва за Семеновский овраг и Семеновскую возвышенность, за батарею Раевского. А на Бородинском сражении русская армия подтянула разбросанные части на новую линию обороны с севера на юг и преградила французам Новую и Старую Смоленскую дорогу в Москву. Был многочасовой обстрел французов. Наши воины сражались геройски. А французы то наступали, а, потеряв половину своего войска, ушли с поля боя. Мы победили. Но потом нужно полностью разбить врагов.

Ивашку так обрадовал рассказ Олега. Но ему было тяжело, что он не смог бороться до конца.

- Ну, что, Ивашка, тебя нужно отвести домой? – спросил Олег.

- Нет, я не уйду из своей армии.

- Ты сможешь продолжать борьбу?

- Я буду очень стараться, я так хочу спасти свое Отечество.

Новая устремленность как бы подняла Ивашку на ноги. Голова у него очень сильно кружилась, ее дергала боль. Но когда он решился не отходить от своей армии, бороться за Отечество, Ивашка почувствовал прилив сил и понял, что ему удастся продолжить ту героическую борьбу, которую вела его армия.

Подвиг Зои Космодемьянской во дни Великой Отечественной войны.

О, как радовалась Зоя Космодемьянская, что ей разрешено было отправиться на борьбу с гитлеровцами. Редко у кого было такое радостное веселое лицо с блестящими глазами. Ее маму, Любовь Тимофеевну, очень опечалило, что дочь отправляется в тыл врага, Она тоскливо вопрошала:

- Дочка, разве по силам тебе будет эта борьба? Ты ведь не мальчик. Если б тебя призвали, тогда другое дело, А ты сама просишься вклиниться в борьбу. Может, эвакуируемся вместе?

- Мама, я не могу не бороться с врагом. Ты сама мне говорила, что в жизни надо быть честной и смелой. Как же мне быть теперь, если враг уже рядом. Если б гитлеровцы пришли сюда, к нам, в столицу, я не смогла бы жить. Ты же знаешь меня, я не могу иначе.

- Дочка, ты же работала на трудовом фронте для страны, для армии.

- Этого мало, мама.

- Ты задумала большее? – удивленно спросила мама.

- Я счастливая, что бы ни задумала, все выходит так, как я хочу.

Мама перестала спорить с дочерью. Зоя вздохнула. Она все время переживала из-за того, что девушек не берут в армию. Невыносимую боль вызывали у нее известия о вражеских разгромах. Она надеялась на остановку разгромов. Даже не ложилась спать, не послушав по радио сводки Информбюро. Все эти вести из репродуктора просто придавливали душу Зои. У нее сжимались губы, холодело лицо, трепетало сердце. Ах, ей было трудно понять силу зла. Как придавить его? Какую замечательную землю топчут враги. Вытаптывают любимую Родину Зои, дорогую землю. С детских лет ее ножки топтались по родной земле, когда она летом бегала в поле с сачком за бабочками, собирала цветы, плела себе венки. Купалась в речке и в солнечных лучах. Лазала по деревьям. И постоянно Зоя наслаждалась красотой своей любимой Родины и в Сибири, где она жила два года с родителями. Как она любила с необыкновенным удовольствием в Сибири гулять по лесу, где ее радовали громадные кедры, душистые пихты. Ее ободряла красота полей, засеянных рожью, пшеницей, обрамленных густыми кустарниками сирени, стройными деревьями - ясенями, березам. Красота земли родного Отечества всегда ее поражала и вызывала глубочайшие размышления: «Деревья чем старше, тем красивее. А почему люди чем моложе, тем красивее?» Многие соотичи представлялись для Зои красивыми. Ей всегда хотелось многим помогать, что вызывало удивление у родных. Но Зоя восклицала:

- Разве всем помогать – напрасное дело?

Как Зое были дороги и понятны слова писателя Николая Островского: «Самое дорогое у человека - это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... и, чтобы умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире - борьбе за освобождение человечества». Вот этому и Зоя собиралась отдать свои силы.

Ведь враг уже стоял на подступах к Москве. Чтобы его сбить, нужна богатырская сила. Зоя об этом знала. Еще в школе писала сочинение об Илье Муромце:

« Безграничны просторы русской земли. Три богатыря хранят её покой. Посередине на могучем коне Илья Муромец. Тяжелая булава в его руке готова обрушиться на врага. По бокам – товарищи верные: Алеша Попович с лукавыми глазами и красавец Добрыня.

Народ к Илье Муромцу относится ласково, жалеет, когда он ранен в бою, называет Иленькой и Илюшкой. Когда его одолевает злой «нахвальщик», то сама земля русская вливает в него силы: «Лежичи, у Ильи втрое силы прибыло».

И вот спустя столетия, чаяния и ожидания народные сбылись: у нашей земли есть свои достойные защитники из народа – Красная Армия. Недаром поется в песне: « Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

Зоя теперь считала, что народ всегда пел о своих героях с глубокой любовью. Герои спасали Россию. И всем россиянам сейчас надо стремиться, чтобы отбить врага. Всем надо идти на защиту. Это так хотелось Зое. Она полностью была согласна со словами Салтыкова-Щедрина: « Я люблю Россию до боли сердечной, и даже не могу помыслить себя где-либо, кроме России».

Нелегко девушке было сразу попасть на фронт. В райкоме комсомола ей даже устроили экзамен, расспрашивали о семье, о здоровье, о том, какие она знает районы Подмосковья. Подробно выясняли у Космодемьянской ее знания по топографии. Спрашивали, знает ли она винтовку?

Зоя отвечала:

- Винтовку знаю.

- В цель стреляла?

- Да.

- Плаваешь?

- Плаваю.

- А с вышки в воду, Зоя, прыгать не боишься?

Зоя ответила, не задумываясь:

- Не боюсь прыгать.

- А с парашютной вышки прыгать не боишься?

- Не боюсь.

- А сила воли у тебя есть?

Зоя ответила уверенно:

- Нервы у меня крепкие. Я терпеливая.

- Где ты, Зоя, бываешь во время бомбежек?

- Сижу на крыше. Тревоги не боюсь. И бомбежек не боюсь. И вообще ничего не боюсь

Зоя опешила, когда секретарь Московского комитета комсомола сказал ей:

- Поедем в Тушино делать пробные прыжки с самолета.

Ах, пусть будут прыжки, только бы не сплеховать бы в них. Это что будет испытание или учеба? Зоя, конечно, понимала, что не зная ее помыслов, ей, как девушке, не верят в ее мужество. А она сама верит в него. Ей дали подумать два дня. И днем, и ночью она представляла себя в пламени вражеского огня, из которого ей удавалось выбраться. И гасить его Зоя чувствовала в своем сердце не страх, не растерянность, а твердую уверенность и упорство выйти на защиту родного Отечества. Но это, видно, не ведают другие. Через два дня секретарь заявил Зое:

- Мы решили тебя не брать.

Такое решение, словно молния рванулось в сердце Зои. Своей твердостью она остановила слезы, которые готовы были политься из ее глаз. Она стала кричать:

- Как так не брать? Почему не брать?

Зоя услышала спокойный ответ:

- Ты пойдешь в тыл.

Зоя немного расстроилась, что ее не отправляют не на фронт. И все же она отправилась в тыл веселой и даже счастливой. Как это прекрасно идти на защиту Отечества! До этого Зоя училась в воинской части вместе с десятью девушками на Кунцевом. Там Зоя изучала личное оружие – наган, маузер, парабеллум. Она разбирала оружие, собирала.

Занятия проходили и в лесу. Девушек учили ходить к цели по компасу, ориентироваться на местности, Их учили стрелять, учили подрывному делу ящиками с толом.

Зою вызвал майор Спрогис и спросил:

- Не боишься? Не струсил? Еще есть возможность уйти, потом будет поздно.

Зоя твердо ответила:

- Нет, товарищ майор, я никогда не струшу.

- Тогда получай личное оружие. Отряд поедет под Волоколамск. Там надо перейти линию фронта и углубиться в тыл врага. Вам предстоит заминировать Волоколамское шоссе.

Зою очень обрадовало, что совсем скоро предстоит нападение на врага.

В другой группе девушки Шура и Женя, которые тоже должны были идти к Волоколамску, но в другом направлении. Девушки сказали Зое:

- Девушки, выполнять задания будем по – геройски, а если умирать так тоже. Как герои.

Зоя ответила, радостно улыбаясь:

- А как же иначе? Как герои.

... Линию фронта отряд перешел в середине ночи. Он остановился в лесу. Зою с Клавой отправили в разведку. Зоя этому очень обрадовалась. Наконец-то началась борьба за спасение Отечества.

Девушки быстро шли вперед. Но вдруг мимо проскочили два мотоцикла. Разведчицы в недоумении остановились. Зоя прошептала:

- Нам нельзя попасться врагам живыми. Давай прятаться. Ляжем на землю и поползем.

- По листьям? – спросила Клава.

- По земле и по листьям, как змейки вдоль шоссе, чтобы нас никто больше не увидел

- О, я никогда не ползала,- охнула Клава.

- Поучимся.

Зоя ползла первой, быстро, легко. Клава устремлялась в след ей.

Когда девушки вернулись на опушку в отряд, Зоя сказала:

- Мы проползли три километра и увидели: путь свободен. Можно там устанавливать шоссейные мины.

- Ну, мы пойдем, - сказали ребята.

Командир разрешил, а четверем девушкам сказал:

- Ребята будут ставить мины, а вы стойте в боевом охранении.

Ребята пошли по дороге и начали ставить мины. Зоя стояла недалеко от них, держа в руках револьвер. Ей подумалось, что она впервые в своей жизни выполняет самое важное и ответственное дело. Защищает не себя. Как это здорово – охранять соотичей! Ей даже подумалось, что она всю жизнь сможет это делать. Нисколько ей не было страшно, не было утомительно

Ребята, возле которых стояла Зоя, еще не успели закончить дело, как вдали раздался гул машин, он быстро усиливался. Значит, машины приближались.

- Ребята, побежали в лес! – крикнула Зоя, - сейчас здесь будут машины. Давайте побежим, согнувшись, чтобы нас не увидели.

И ребята, и девушки побежали по всем ног, пригибаясь, почти задыхаясь. Скрывшись в лесу, стали переводить дыхание. И вдруг раздался такой взрыв, что Зоя даже подпрыгнула. Вокруг все как бы засветилось. Потом повисла тишина, какую Зоя никогда не знала. Лес как бы затаился. А потом тишина оборвалась, снова раздался взрыв, а за ним – другой. С дороги звучали крики, выстрелы.

Отряд побежал в глубь леса.

В полдень Клава пошла с Зоей на большак. Они стали разбрасывать там колючие рогатки, чтобы они прокалывали шины у вражеских автомобилей. Зоя делала это точно, уверенно. У нее был спокойный взгляд. Клава, ловя его, тоже успокаивалась.

Потом отряд вернулся в часть, где все отдохнули. Искупались в бане. На другой день в части организовали новый отряд, но девушек в нем оставили тех же – Лиду, Веру, Клаву, Зою.. Всех обвесили бутылками с горючей жидкостью и гранатами. Новый командир Борис приказал твердо и спокойно:

- Идём в тыл врага.

Но в этот раз спокойно не удалось прорваться. В отряд стреляли издалека, но ему удалось прорваться без погибших. А на другой день с трех сторон начался перекрестный огонь. Бойцы отряда легли на землю, вжались в нее. Огонь стих. Воины отряда отползли метров на 800.

- Мы спаслись, - сказал командир.

Зоя крикнула ему:

- Трех наших товарищей не хватает. Разрешите, я вернусь, посмотрю, нет ли раненых.

- Кого возьмете с собой? – спросил Борис.

- Отправлюсь одна.

- Погодите, пускай немцы успокоятся.

- Нет, тогда будет поздно.

- Хорошо, идите.

- Нет. Я поползу.

Зоя поползла назад. Она так хотела найти живыми своих бойцов, пусть даже раненых.

«А если тебя ранят?» - возник у нее вопрос. «Это великое дело – спасти своих товарищей», - ответила себе Зоя. Скоро она почувствовала усталость, но не решалась даже остановиться, ползла. Ночь уже прикрыла темнотой всю дорогу. Зоя очень расстроилась. Когда увидела троих погибших товарищей. Она приползла спасти их, Но смерть отобрала бойцов. Зоя подползла к каждому погибшему, взяла их оружие, фотографии, письма, документы из их карманов.

На другой день отряд опять двинулся в путь к селу Петрищево, где были большие силы противника. Командир приказал разведчиками стать Зое и Клаве. Они шли на сто метров впереди своих бойцов. Уже шел снег. На пути бойцы резали связь.

Ночью отряд отошел в лес. Бойцы разожгли костер, отдыхали. Зоя наизусть читала стихи. Воины с удовольствием слушали ее.

- Ну, что, - сказал командир задумчиво,- нам нужно возвращаться. Мы сделали все, что смогли.

- Да мы мало сделали! – сокрушенно воскликнула Зоя.

- Как мало? – удивленно спросил командир.

- Мало, мало.

Зоя не хотела спорить с командиром. Но у нее из сердца вырвалось желание с большей активностью защищать Отечество, спасти его как можно больше, не отходя от этого ни на шаг. Она стала умолять:

- Товарищ командир, разрешите мне проникнуть в Петрищево.

- В Петрищево? С какой целью? - удивленно спросил Борис.

- Поджечь занятые фашистами избы, конюшню воинской части, - ответила Зоя.

- Удастся поджечь?

- Постараюсь.

К Зои не только что возникло это желание наносить урон гитлеровцам. Уже давно она думала об этом. Прикидывала, как лучше обжечь огнем врага. И выжидала момент, когда это возможно сотворить. И вот теперь, когда командир решил увезти партизан, Зоя поняла, что другого момента не будет, чтобы разорить Петрищенское фашистское гнездо.

- Товарищ командир, разрешите обжечь фашистов.

Зоя смотрела на командира с такой твердостью и смелостью, что у него возникло полное доверие к ней. Он был убежден в ее непререкаемой доблести, мужестве, упорстве. Предложенное ею дело не намечалось, но это несомненно, что оно может как следует пошатнуть фашистское стойбище в Петрищево. И командир дал согласие:

- Ну, сделайте пожар.

- Сделаю, сделаю! – радостно стала восклицать Зоя. Она уже не просила для себя никаких помощников, считая, что сможет одна совершить важное дело, не подвергая опасности никого. И командир в это поверил. Зоя, настроившись на операцию, сразу стала вычислять свои действия. Готовясь к ним, взяла бутылку с бензином и засунула в смуку вместе с коробкой спичек. Как только стемнело, она сразу же ринулась в Петрищево. Бойцы в след помахали ей руками.

Зоя бежала на незримый бой с неудержимым стремлением и глубокой надеждой сделать полный раскол в фашистском гнезде. Её так радовало, что она вступила в битву с фашистским полчищем, которое уже столько убило россиян, принесло тяжелейший вред Отечеству. Сколько гитлеровцы еще могут погубить людей, и взрослых, и детей! Не допустить это – важнейшая задача защитников. Здесь возможно это только партизанам. Главное – не

испугаться и оборвать злобную силу. Мысли об этом. Словно звезды, сверкали в голове Зои. Каждый шаг ее, ведущий вперед, был будто утверждающей силой. И она не останавливалась ни на одну секунду, чтобы не задержать путь на уничтожение вражеской силы.

Да, Зое жалко было село, где обосновались немцы. Но они же могут все села России извести, весь народ погубить. Мысли об этом усиливали движение Зои. Ей очень хотелось хоть чем-нибудь помочь защитникам своего Отечества. Она много читала книг об их героизме и знала: главное никогда не бояться. Они храбро сражались и перенесли много страданий. Они всегда имели славное начало. У Зои тоже не было страха. Да. Она не боялась, хотя понимала, что важна особая предосторожность. Она же вступала в сражение. Она подняла глаза на небо и усидела пылающие звезды. На сердце у нее стало легче. Но ее радовало. Что луна не сияла ярко. И она еще более охотно шла, но не по гладкой стезе, настраивая себя на осторожность, чтобы не поскользнуться, не упасть. К ней была надежда вернуться спокойной и радостной. Она теперь поняла, что самое трудное дело – приступить к началу любого подвига. Главное, чтобы не ослабить силы. Кто хочет уклониться от подвига, тот становится добычей хищников. Все эти мысли освобождали душу Зои от тяжести пути.

Зоя зашла в Петрищево, пошла темной стороной. Подошла к дому. Где пребывали немцы. Она подобралась сзади, стала обливать стены и крышу бензином и поджигать. Когда дом загорелся, она пошла к другому. Зое удалось поджечь несколько домов, занятых фашистами и конюшню воинской части. Затем она быстро помчалась прочь, время от времени останавливалась, оглядывалась. Видя полыхающие пожары, бежала с еще большей радостью. Она понимала, что нанесла большой урон фашистам, но ведь приложила для этого мало усилий. Но потом Зою озадачило: как будут фашисты искать поджигальщика?

Когда Зоя вернулась в свой отряд, ее встретили радостно бойцы, которые видели всплески пожара.

- Ты у нас сегодня героиня! – воскликнул командир.- Таковой и вернешься.

- Нет, я пока не хочу возвращаться, - твердо заявила Зоя.

- Как не хочешь? – удивился командир, подошел к Зое совсем близко.

- Там, на краю села еще одна конюшня. В ней две сотни лошадей. Я хочу сжечь и эту конюшню.

Командир задумался. Но не сказал ничего против.

- Пожар нужно устраивать не завтра, - заметила Зоя. – Пусть немцы немного отключатся.

- Да, и тебе надо отдохнуть, - согласился командир.

Об отдыхе Зоя не думала, ее ничего не тяготило, не пугало. А только радовало, что удалось совершить продуманное деяние. Одна конюшня сгорела, теперь нужно другую сжечь. Зоя даже не загружала свои мозги. Сделала первое пожарище без труда. Второе можно сотворить еще проще.

Через день Зоя снова в сумерках отправилась в Петрищево, неся сумку с бутылкой бензина. Но почему-то в этот день ей не было так спокойно и легко, как прежде. Какая-то непонятная тревога проникала в сердце. Но Зоя старалась ее утихомирить. Ей всегда было понятно: никогда ничего не нужно бояться. Любые страхи угрызают с крысиной яростью. Как легко от этого растеряться и потеряться. Вот этого Зоя совсем не хотела.

Она с прежней твердостью шагала в Петрищево. Она теперь была уверена, что это село будет судьбоносным для нее.

В этот вечер ярко сияли звезды и луна. В голове у Зои что-то загудело. Но она завертела ею, пытаясь отогнать всякое беспокойство. Возле села она остановилась, оглядываясь вокруг, внимательно все рассматривала. Потом твердо пошла к конюшне. Остановившись у противоположной стороны от входа, достала из сумки бутылку, плеснула из нее на стену. Нагнулась, чтобы чиркнуть спичкой. Ох! Зоя дернулась, когда ее кто-то схватил сзади за плечи. Увидев часового немца, она оттолкнула его, выхватила из кармана револьвер. Немец выбил у нее из рук оружие, схватил в охапку Зою и забил тревогу, завопил. К нему сразу подбежали другие немцы. Они подняли сумку Зои, брошенную на землю, схватили ее за руки и потащили в стоящий неподалеку дом. Сердце Зои затрепетало от страха, но она тут же придавила волевым усилием этот страх. Немцы, тащившие ее, были ей отвратительны. Сколько людей они уже погубили! И что, считают себя победителями? Будет, будет в России еще много защитников Отечества, которым удастся разворошить захватчиков. Ах, как жалко было Зое не себя, а то, что ей не удалось в этот раз выполнить боевую операцию.

Девушку втащили в дом. Часовой показал на нары и сказал:

- Садись.

Зоя села. Напротив нар возвышался стол. На нем были телефоны, пишущая машинка, кипы штабных бумаг. Зоя, глядя на стол, раздумывала о том, что за разговоры сейчас будут. Немцы захотят, чтобы она предала своих бойцов. Будут требовать измену, а , может, пытаться. Да пусть разорвут хотя бы на клочья, она ни за что не предаст своих бойцов.

Зоя увидела в углу старушку, которая жалостливо смотрела на нее, прикладывая руку к сердцу. Неподалеку от нее стояли дедушка и девочка. Они смотрели на Зою с любопытством и печалью.

В дом вошло несколько офицеров. Они глядели на русскую девушку дерзко и злобно. Черноволосый офицер подскочил к русским хозяевам и крикнул:

- А ну, вон отсюда!

Дедушка и девочка вышли. А старушка сидела в углу, прикрыв глаза.

Офицер заорал:

- Матка, фьють!

Немецкий офицер подтолкнул старушку в спину, вытолкнул ее из дома. Потом он обратился к гитлеровцам и сказал по-немецки:

- Сейчас придет командир дивизии, подполковник Рюдерер допрашивать партизанку.

Офицер не ведал, что Зоя знала немецкий язык. Значит, сейчас ей устроят допрос. Сердце Зои чуть дернулось, но она приструнила себя. Нет, она ни за что не будет перед фашистами трусихой. Она прежде всегда настраивала себя, что готова жизнь свою отдать за Отечество. А теперь жизнь у нее, конечно, заберут. Зоя столько читала книг о героях разных эпох. А сможет она теперь проявить героизм? Сколько об этом всегда спрашивала себя Зоя. И вот теперь на деле прозвучит ее ответ. Главное – не бояться никаких болей, страданий. Зоя настроилась на жуткие испытания, потребовав от себя перенести их.

В дом вошел немецкий командир. Он очень внимательно посмотрел на девушку, не проявляя злобы, как другие офицеры. Зоя поняла: это он делает специально, чтоб к ней подход. Но нет, не удастся ему это. Зоя нахмурилась и опустила глаза вниз.

- Кто вы? – спросил подполковник Рюдерер.

- Не скажу, - ответила Зоя, не поднимая глаза.

- Это вы подожгли конюшню?

- Да, я.

- Ваша цель? – удивленно спросил Рюдерер.

- Уничтожить вас.

Подполковник еще больше удивился твердости девушки, которая, видно, не боится немцев. Он еще более внимательно стал смотреть на девушку и спросил с любопытством:

- Когда вы перешли через линию фронта?

- В пятницу, - не поднимая глаза, ответила Зоя.

- Вы слишком быстро дошли.

Командир стал спрашивать девушку, кто ее направил, с какой целью? Но Зоя отвечала на все его вопросы: « Не скажу». Командир посмотрел на офицеров, кивнул им головой. Четверо офицеров сняли свои пояса, начали безостановочно с силой стегать Зою. Боль в ее теле проявилась нестерпимо

жуткой, как будто ее разрывали на куски. Но она себе приказывала: « Ни за что никого не выдам». И ее упорство давало Зое силы терпеть жуткую боль. Она даже ощущала у себя усиление душевной твердости с каждым ударом. Офицеры даже с удивлением глядели на русскую партизанку. Она уже тяжело дышала. Все тело ее уже было в синяках. Но в глазах Зои проявлялась такая твердость, которую не у каждого мужчины увидишь. Но губы у нее были покусаны. Она что, грызла свой язык, отбивая его от признания? Но все же офицеры надеялись сбить партизанку более тяжелыми пытками. Руки ей связали сзади и отвели в другую избу. О, как там издевались над нею солдаты! Трепали ее изможденное тело кулаками, обжигали зажженными спичками подбородок, порезали ей спину пилой. Немцы продолжали удивляться, что у партизанки не было никакого страха. Она не стонала, не охала, не кричала. Откуда у нее взялось столько терпения? Но немцы были уверены, что им удастся оборвать это терпение. Но они сами устали и пошли спать, а часовому сказали:

- Теперь ты потрепи ее.

Зое казалось, что еще немного, и она упадет и не сможет встать, Но она старалась, как можно дольше вытерпеть эту боль. Ей хотелось, чтобы и немцы увидели, что русские люди крепкие. Они готовы перенести страдания для спасения своего Отечества

Сколько можно выдержать еще ударов? Зоя внушала себе терпеть, терпеть, терпеть.

Часовой, возмущенный терпением партизанки, поднял на нее винтовку и крикнул:

- А ну, иди из дома!

Он вывел ее на улицу босую, в белье. Зоя осторожно босыми ножками ступала по ледяному снегу. Штык часового был приставлен к ее спине. Ее ноги уже нестерпимо стал обжигать мороз, на глаза наплывали слезы, но Зоя сглатывала их, продолжала требовать от себя: « Терпи, терпи!».

С 10 вечера до 2 часов ночи охранник каждый час выволакивал Зою на улицу. И потом даже удивленно смотрел на нее. Ну, когда же она потеряет терпение, и начнет признаваться во всем? О, сколько много у нее терпения! Зоя старалась выдержать муки, пусть будут самые тяжелейшие.

Утром ее снова допрашивали, но она твердо заявляла:

- Ничего не скажу!

Немецкий подполковник крикнул:

- Тебя повесим!

Зоя молча и твердо смотрела в окно, сказав себе: « Ну, вот, мучения твои кончаются. Сохрани мужество до последней минуты».

Офицеры принесли Зоины вещи. Ей дали надеть кофту, брюки. А шапку меховую, куртку, пуховую вязаную фуфайку и сапоги немцы схватили себе. Русские хозяева избы помогли надеть чулки на почерневшие ноги Зои. А немцы повесили ей на грудь бутылку с бензином и доску, на которой было написано: «Поджигатель».

Зоя вздохнула сокрушенно: немцы этим желают поугубить сельчан. Неужто это их испугает? Зою даже меньше трогало, что она идет на свою казнь. Этой казнью немцы хотят сильно напугать людей. Как ей, такой избитой идти твердо? Зоя с невероятным усилием старалась делать твердые шаги. Ее вывели на площадь, где уже стояла виселица. Место казни окружали десять конных с саблями и больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Рядом стояли жители села Петрищево. Немецкий уомандир спросил своих офицеров:

- Что так мало пришло сельчан, вы же им приказывали придти?

Офицеры ответили:

- Не хотят приходить.

- Да и те, кто приходят, убегают.

Зою подвели к виселице, поставили на ящики. На шею накинули петлю. Немецкий командир сказал солдатам:

- Вешать не спешите.

Зоя, услышав это, поняла, что фашисты хотят устроить спектакль, сильнее испугать жителей. Она, обратившись к сельчанам, закричала твердым громким голосом:

- Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Командир крикнул по-немецки:

- Поскорее!

Зоя повернулась к командиру, взглянула на солдат и закричала:

- Вы меня повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня солдаты. Пока не поздно, сдавайтесь в плен: все равно победа будет за нами!

Солдат, стоявший рядом с Зоей, хотел ударить ее, замахнулся на партизанку. Она оттолкнула его руку и снова закричала:

- Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье умереть за свой народ!

Палач петлей сдавил гордо Зою. Она руками раздвинула петлю, приподнялась на ящике на носках. Из всех оставшихся сил, крикнула в сторону сельчан:

- Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!

Палач свалил верхний ящик, на котором стояла Зоя. Тело ее повисло на петле. Толпа отшатнулась.